

Дарья Пядухова

«Страна мужчин»:

ОБРАЗЫ ФЕМИНИННОСТИ И МАСКУЛИННОСТИ
В НЕФТЕГАЗОВОМ ОСВОЕНИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
1960—1970-х ГОДОВ

Daria Pyadukhova

“The Country of Men”: Images of Femininity and Masculinity in the Oil and Gas Development
of Western Siberia in the 1960s—1970s

Дарья Пядухова (НИ ТГУ, аспирант; магистр
истории) dpyadukhova@yandex.ru.

Ключевые слова: гендер, фемининность,
маскулинность, кризис маскулинности, За-
падно-Сибирский нефтегазовый комплекс

УДК: 94(57).084.9

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_180

Статья посвящена образам фемининности и маскулинности в официальном советском дискурсе на раннем этапе нефтегазового освоения Западной Сибири. Вскрываемые значения мужественности и женственности рассматриваются не как абстрактные штампы советской пропаганды, но как важный структурный механизм, публично конструировавший границы субъективности первооткрывателей «большой нефти». Автором делается вывод о неравно-правности нормативных моделей фемининности и маскулинности в нефтегазовом комплексе, которая отражала нетипичность условий и социальных отношений в исследуемом историко-антропологическом контексте. Предлагаемые тезисы связаны с дискуссией о кризисе маскулинности в позднем СССР.

Daria Pyadukhova (MA; Postgraduate Student,
National Research Tomsk State University)
dpyadukhova@yandex.ru.

Key words: gender, femininity, masculinity, crisis of
masculinity, West Siberian oil and gas complex

УДК: 94(57).084.9

DOI: 10.53953/08696365_2025_191_1_180

The article is devoted to the images of femininity and masculinity in the official Soviet discourse at the early stage of the oil and gas development of Western Siberia. The revealed meanings of masculinity and femininity are considered not as abstract stamps of Soviet propaganda, but as an important structural mechanism that publicly constructed the boundaries of subjectivity of the discoverers of “big oil”. The author concludes that normative models of femininity and masculinity in the oil and gas complex were unequal, which reflected the atypical conditions and social relations in the historical and anthropological context under study. The research theses enter into a scientific discussion about the crisis of masculinity in the late USSR.

В рамках гендерных исследований ключевыми понятиями, характеризующими социальную организацию общества, являются концепты фемининности и маскулинности или их русскоязычные аналоги — «женственность» и «мужественность»¹. При определенном разнообразии трактовок в моей работе они обозначают социальные представления и ожидания, приписываемые женскому и мужскому полу соответственно. Такие аскриптивные, то есть предписанные, значения (вос)производятся как субъектами — на индивидуальном

1 В российской науке не сложилось единого мнения относительно использования понятий «женственность» и «мужественность» в качестве альтернативы терминам *femininity* и *masculinity*. В нашей работе эти две пары понятий выступают синонимами.

уровне и в процессе интеракции, — так и социальными структурами, институтами, дискурсами. Они могут касаться поведения мужчин и женщин, их внешнего вида, психоэмоциональных качеств, гендерных ролей и пр. В научной литературе преобладает конструктивистский взгляд на феномены фемининности и маскулинности, которые признаются категориями относительными: 1) они взаимообусловлены и конституируются по отношению друг к другу; 2) они динамичны и контекстуальны; 3) они разнообразны и иерархичны даже в рамках одного «общества»². Такая оптика противопоставляется эссециализирующему механизмам и практикам, доминирующем в устройстве социальных, в том числе гендерных, порядков.

Предлагаемая статья фокусируется на образах фемининности и маскулинности, формировавшихся в Западно-Сибирском нефтегазовом комплексе (ЗСНГК) в первое двадцатилетие его развития. В географическом отношении сибирская нефтегазовая эпопея разворачивалась на территории Тюменской области — прежде всего в «ресурсных» Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком национальных (с 1977 года — автономных) округах, а также включала нефтедобывающие районы севера Томской области. В своей работе я концентрируюсь на 1960—1970-х годах, то есть раннем периоде нефтегазового освоения Западной Сибири. Маркером этого пионерного этапа выступили существенные трудности в социальном развитии комплекса — это слабая социальная и культурная инфраструктура, заметный жилищный кризис, значительное миграционное сальдо и дисбаланс в демографической структуре в пользу мужчин, что определило специфику гендерного вопроса в регионе.

Выбор историко-антропологического контекста обуславливается не только статусом ЗСНГК как одной из наиболее громких «больших строек» позднесоветской эпохи. Он связан с разворачивающимися в ходе нефтегазового освоения процессами поиска и выработки языка описания социальной деятельности, включая гендерные модели первооткрывателей «большой нефти». Немногочисленная историографическая литература по проблеме исследования показывает, что складывавшиеся в нефтегазовом крае гендерные идеологии и фреймы обладали конфликтным потенциалом. В первую очередь обращают на себя внимания публикации В.П. Клюевой, сконцентрировавшейся на опыте женщин-геологов, чья профессия традиционно означалась как мужская [Клюева 2023], И.Н. Стася о негативном влиянии на женщин маскулинной культуры в Ханты-Мансийском округе в 1960 — начале 1990-х годов [Стася 2016а; 2018], а также Э.К. Мантиковой и В.В. Шевцова, которые указали на противоречие между «официальным» образом «сильного и волевого героя-труженика» строителей Нижневартовской ГРЭС и их реальными социальными портретами [Мантикова, Шевцов 2019].

В работе я анализирую нормативные образы фемининности и маскулинности, очерченные пределами официального советского дискурса. Реконструкция этих образцов осуществлялась главным образом на основе региональных периодических изданий — газет «Тюменская правда» (Тюмень) и «Ленинская правда» (Ханты-Мансийск), представлявших собой партийно-советские органы областного и окружного уровней. Этот источник дополняется текстами ху-

2 Примечательно, что основные теоретические выкладки по проблеме были сформулированы в рамках исследований маскулинности (см.: [Здравомыслова, Тёмкина 2015: 407—438; Кон 2009; О муже(N)ственности 2002; Connell 2005]).

дожественной прозы 1960—1970-х годов за авторством трех наиболее известных «летописцев» нефтегазового освоения — Е.Г. Ананьева, З.К. Тоболкина и К.Я. Лагунова. Наконец, в своей работе я также обращалась к опубликованным в постсоветский период (и к сожалению, немногочисленным) воспоминаниям с целью прояснить, как прежние гендерные нарративы переопределялись со временниками по прошествии времени.

Вскрываемые в обозначенном дискурсивном поле образы фемининности и маскулинности рассматриваются мной не просто как репрезентации, отравившие реальные социальные практики, или, напротив, идеологические штампы, оторванные от исторической действительности. Их следует расценивать как нормативные предписания и ожидания, конструировавшие конкретные гендерные альтернативы для советских граждан(ок). В этом смысле данная работа опирается на теорию советской субъективности (subjectivity), признающей широкое поле возможностей советского субъекта-гражданина, но в рамках практик и дискурсов, санкционированных государством (см., например: [Коткин 2001; Пинский 2018: 11—14; Халфин 2023]).

Нормативная (гегемонная) маскулинность

Обращение к партийно-советской периодике, насыщенной языком идеологии и пропаганды, предполагает, что наиболее распространенным на ее страницах типом мужественности была модель, воплощенная в концепции нормативной, или гегемонной, маскулинности. Такая «образцовая» маскулинность обладает наибольшей символической властью, субординируя другие мужественности и утверждая подчиненное положение женщин [Здравомыслова, Тёмкина 2018]. В pragматическом отношении образ нормативной маскулинности, очевидно, выступал инструментом для решения остро стоящей в ЗСНГК проблемы дефицита кадров [Бабушкина 2008] и мобилизации трудового энтузиазма трудающихся.

Ключевым топосом, определившим содержание нормативной маскулинности в ЗСНГК, стала риторика «борьбы» за нефть, уподоблявшая нефтегазовую «целину» военным действиям за необходимые государству ресурсы. Например: «Чем-то обстановка напоминает поле боя. Балок — командный пункт, а буровая — линия огня. И правда — это наступление. Только бой идет за подземные клады, за то, чтобы поставить их на службу Родине»³. Использование военной лексики («штурм», «фронт», «передовая», «разведка» и пр.) и ее мобилизационного потенциала семантически приравнивало первопроходцев к солдатам, что создавало ассоциацию с мужским составом работников. Так, описывая «будни штурмовой Пунги» на строительстве газопровода Игрик — Серов, журналисту приходилось использовать добавочный оборот, подчеркивавший присутствие женщин («участвуют и женщины»⁴), который должен был опровергнуть трактовку о гомосоциальности коллектива рабочих.

Милитарные репрезентации ЗСНГК в прессе включали также использование памяти о Великой Отечественной войне (см., например: [Барабанова 2021]). Такие пропагандистские формулы, как «Самотлор — это же Курская

3 Зубарев А. Шумит за окном буровая // Тюменская правда. 1966. № 69. 24 марта. С. 1.

4 Славолюбова Л. Здесь все последнее // Тюменская правда. 1966. № 13. 16 января. С. 2.

битва девятой пятилетки»⁵ и пр., создавали эффект преемственности между прошлым подвигом советских граждан и предстоящим — борьбой за кладовые Севера. Актуализация памяти осуществлялась также посредством акцентирования военного прошлого в биографиях тружеников. Былые заслуги, мужество и усваиваемые ветеранами на войне ценности маркировались через их профессиональную деятельность на нефтегазовом поприще: «Неотрывно от его биографии и характера — быть в разведке и побеждать»⁶; «...привычка военных лет звала быть в постоянной разведке, поиске»⁷; «Иначе нельзя... Так было и тогда, на фронте»⁸ и пр. Героизм на войне позиционировался как пролог к трудовым подвигам, ныне совершаемым тружениками нефтегазового освоения.

Возвышенные, патетические описания повседневных трудовых практик как военных подвигов, вероятно, обращались также к аудитории демобилизованных солдат, активно пополнявших ряды строителей комплекса⁹. Так, например, с точки зрения корреспондента, условием профессионального успеха Ивана Шеремета, водителя тягача на Самотлорском месторождении, выступала его армейская служба в качестве танкиста: «А может, Самотлор только таким и покоряется?»¹⁰ Постановка риторического вопроса фактически генерализировала этот вывод: способность работника преодолеть трудности, диктуемые условиями Севера, обуславливалась наличием у него армейской закалки или иных навыков, знаний, убеждений, полученных в рядах вооруженных сил.

Образ нормативной маскулинности в нефтегазовом регионе определялся также топосом героики повседневного труда открывателей «большой нефти». Он выстраивался через акцентирование кризисных ситуаций, с которыми приходилось сталкиваться труженикам на производстве (авария, спасение товарища, беспрерывная работа и пр.). Весьма характерны в этом отношении сюжеты о получении и превозмогании производственных травм. Степень их рутинности и, следовательно, потенциального идеологического эффекта варьировалась от легкого обморожения пальцев, полученного после многочасовой борьбы с остановкой электростанции на трассе¹¹, до истории вышкомонтажника Багапова, отшибшего в результате несчастного случая на буровой почку, но вернувшегося в бригаду «неугомонным и вездесущим», несмотря на первоначальные сомнения врачей в его выздоровлении¹².

Означивание трудовой повседневности граждан через категории экстремума (максимума физических возможностей и эмоционального напряжения,

5 Медников А. Войдет в историю. Свет над тундрой // Тюменская правда. 1976. № 201. 27 августа. С. 3.

6 Швирикас А. И потому — победители // Тюменская правда. 1968. № 83. 7 апреля. С. 2.

7 Никитин Г., Патрикеев Н. Маршрутами разведки // Тюменская правда. 1968. № 45. 22 февраля. С. 2.

8 Викторов В. Сердце солдата // Тюменская правда. 1975. № 141. 18 июня. С. 3.

9 Точные данные о количестве демобилизованных, участвовавших в нефтегазовом освоении, неизвестны. О числе солдат, направленных в организации Глavitюменнефтегазстроя, и существовании специальной агитации, проводившейся в воинских частях для вербовки кадров, упоминается в работе С.Л. Бабушкиной [Бабушкина 2008: 72]. В статье Г.Ю. Колевой фиксируются различия в доле привлеченных демобилизованных по разным Главкам. Как правило, они составляли не более 10% [Колева 2011].

10 Зинковский В. Торит свою тропу // Тюменская правда. 1971. № 7. 9 января. С. 1.

11 Арсенюк И. Рассказы бригадира // Тюменская правда. 1974. № 187. 11 августа. С. 2.

12 Михайлов И. Таежный дирижер // Тюменская правда. 1971. № 133. 5 июня. С. 2.

борьбы и преодоления) являлось универсальным клише советской пропаганды [Сальникова 2014: 64–70]. Вместе с тем использование гендерной оптики применительно к материалам тюменской периодики 1960–1970-х годов позволяет говорить о дисбалансе в репрезентации акторов (субъектов) «героического» в контексте нефтегазового освоения. За редким исключением¹³ ими выступали работники-мужчины, численно преобладавшие в ключевой и поэтому наиболее символически значимой отрасли комплекса — добывающей [Гаврилова 2002: 78]. В условиях более выраженного в нефтегазовой сфере гендерного разделения труда репрезентация трудовых практик была весьма андроцентричной, конструировавшей универсальную социальную норму через опыт работников-мужчин.

Как и в случае с милитарными репрезентациями ЗСНГК, топос героики повседневного труда имел отчетливо «мужские» черты, дистанцируясь от «женских» практик. Содержание обеих пропагандистских формул в значительной степени определялось общим воображением нефтегазовой «целины» как пространства «настоящих мужчин». Устойчивость дискурса о гипермаскулинных мужчинах, покорявших просторы сибирского региона, демонстрировало создание художественного фильма под названием «Страна мужчин», который снимался на Самотлоре в 1974 году¹⁴. Как писал корреспондент, побывавший на производстве кинокартины:

По замыслу автора, в фильме «Страна мужчин» нет женских ролей, хотя в жизни они наравне с мужчинами осваивают Тюменский Север. Такой режиссерский ход обеспечивал авторам особо жестокое, как они выражаются «сибирское», решение конфликта¹⁵.

Символичны строчки стихотворения, которое должно было войти в сценарий: «...Ведь Сибирь выбирает / Настоящих мужчин»¹⁶. Сила стереотипа о гипермаскульности работавших в ЗСНГК мужчин также раскрывается в воспоминаниях ветеранов комплекса. В частности, именитый нефтяник В.В. Китаев в своих набросках автобиографии указывал: «Сама профессия буровика, если ты предан этой профессии, рождает таких (настоящих. — Д.П.) мужчин!»¹⁷

Стирание женского присутствия в официальном дискурсе осуществлялось через категоризацию целых профессий или иных социальных групп как мужских: «...вспомнил о геодезистах. Упрямые парни...»¹⁸; «Вслед за топиками движутся караваны сейсмиков... Бородатые, лихие, отчаянные парни»¹⁹; «мо-

13 Немногочисленные примеры использования топоса героики в трудовых практиках работниц см.: Ананьев Е. Геолог за столом // Тюменская правда. 1964. № 28. 2 февраля. С. 2; Сайбулин Р. Награды выше нет // Тюменская правда. 1972. № 250. 22 октября. С. 2.

14 Лазутин В. В фильме — только мужчины // Тюменская правда. 1974. № 41. 17 февраля. С. 4. Фильм с данным названием и съемочной группой не удалось найти в открытом доступе. Вероятно, он так и не вышел в производство.

15 Там же.

16 Там же.

17 Преодоление. М.: Эпоха, 2009. С. 129.

18 Арсенюк И. Тайга покоряется смелым // Тюменская правда. 1974. № 225. 25 сентября. С. 2.

19 Лагунов К.Я. Ордалья: роман. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1970. С. 95.

лодые парни»²⁰ о первых разведчиках западно-сибирской нефти; «здесь вовсе не боги — обычные парни»²¹ о покорителях Самотлора и пр. Образы нефтегазоразведчиков и добывчиков структурировались как мужские и мужественные одновременно. Например: «Кто же он, строитель скважин на тюменской земле? Представим себе его обобщенный образ: это мужчина 30—35 лет, крепкий духом и телом (тайга не любит хлипких), сильный характером и с высокоразвитым чувством коллективизма»²². Это считывалось также в весьма распространенной метафоре, описывавшей тружеников комплекса как «богатырей»²³. Типаж сурового эпического героя, очевидно, подразумевал гендерную ассоциацию с работником-мужчиной.

Таким образом, нормативная маскулинность первооткрывателей «большой нефти» инкорпорировала в себе два основных аспекта социалистической мужественности: военную и трудовую [Hallama 2021]. Вместе с тем существовавшие в официальном дискурсе ЗСНГК образы мужественности не являлись предельно типологизированными и унифицированными. Они предполагали разнообразие гендерных моделей, наделявшихся отличными друг от друга символическими ресурсами.

Границы маскулинности: от «настоящих мужчин» к «хлюпикам»

Маскулинность пионеров ЗСНГК репрезентовалась как статус, не заданный фактором Севера, но как достижимый и приобретаемый в процессе преодоления имманентных ему трудностей. Нефтяной сибирский край в пропагандистских текстах уподоблялся социальному лифту возмужания или барьера, взятие которого открывало новые перспективы для утверждения себя как мужчины. Это проявлялось в разнообразных метафорах, изображавших ЗСНГК как «школу» мужества²⁴ или наковальню, на которой «ковался», «закалялся» или даже «ломался» характер²⁵. Гендерная адресация этих идеологических клише отчетливо раскрывалась на страницах художественной литературы. Ярким примером выступала сюжетная линия Александра Сергеевича Иванова, или Ивася, — персонажа романа «Больно берег крут» (1979). Уязвленный изменой жены, которая к тому же «верховодила в семье»²⁶, Ивася отправился в качестве редактора местного издания в нефтяной Турмаган²⁷, убежденный, что он его

20 Ананьев Е. У руля поиска // Тюменская правда. 1969. № 90. 16 апреля. С. 2.

21 Денисов Н. Самотлор // Тюменская правда. 1973. № 168. 20 июля. С. 3.

22 Дубровин В. Кочующие по тайге // Тюменская правда. 1969. № 22. 26 января. С. 2.

23 Арсенюк И. Тайга покоряется смелым. С. 2.

24 Простенюк В. Незабываемые километры // Тюменская правда. 1967. № 255. 28 октября. С. 1; Белоусов Г. Возмужание коллектива // Тюменская правда. 1968. № 39. 15 февраля. С. 3.

25 Богомолов Ю. В сердце своем сбереги // Тюменская правда. 1966. № 269. 20 ноября. С. 2; Савин Ф. Север кует характер // Тюменская правда. 1971. № 169. 18 июля. С. 2; Лагунов К. «Жить с ветерком надо...» // Тюменская правда. 1974. № 86. 12 апреля. С. 2—3; Медников А. Войдет в историю. Свет над тундрой. С. 3; Ваулин Б. На самом краешке земли // Тюменская правда. 1977. № 15. 19 января. С. 3.

26 Лагунов К.Я. Больно берег крут: роман. М.: Современник, 1979. С. 47.

27 Название этого города нефтяников является художественным вымыслом автора романа.

«единственная, последняя возможность распрямиться, стать тем, кем создала его природа. Либо он сломит себя, пересилит страх, или отвращенье... либо останется жалким подкаблучником-рогоносцем...»²⁸. Несмотря на первоначальные успехи и высокую оценку супругой его поступка («присматривалась Клара Викториновна к мужу, и ее всевозрастающая тревога мешалась с радостью: в нем пробуждался мужчина. Своевольный и сильный»²⁹), Ивась так и не смог встать на путь «возрождения» и «возмужания»; он остался малодушным и пассивным временщиком, чуждым проблемам нефтяной стройки, которая в его глазах представляла «комом грязи» и «дырой», заполненной «полуфанатиками-полуромантиками»³⁰. Фактически персонаж Ивася выстраивал семантическую связь между «фанатичностью» работников нефтегазового поприща и их маскулинностью.

Конструктивистское понимание мужественности в ЗСНГК обусловило ее дифференциацию на несколько символически неравноправных уровней. Мерилом мужественности в официальном дискурсе выступала степень энтузиазма работников, их одержимости общим делом. На вершине иерархии (концепция гегемонной маскулинности) располагалась описанная выше нормативная модель труженика-солдата. Ей противопоставлялся собирательный образ Ивася — мужчины, не выдержавшего «испытание» Севером. Субординированный статус этой маскулинности обозначался в печати весьма уничижительными оборотами: «слабоватым оказался парень, хлипким»³¹, «нытики и хлюпики»³², «слабые духом»³³, «квелье, хилые»³⁴ и т.д. Одновременно в презентациях фактически отсутствовали маскулинности «среднего уровня», промежуточные по отношению к выделенным двум типам. Вероятно, это обуславливалось идеологичностью источников. Так, в рассуждениях Черкасова, еще одного героя названного романа, прослеживалась очевидная антипатия к тем, «просто тянет, просто служит, просто в норме»³⁵. Как секретарь Турмаганского горкома партии, он был убежден: «А золотой середины — никакой! Нет и не будет...»³⁶

Хотя образы маскулинности оставались неизменными на протяжении всего периода становления ЗСНГК, пропагандистский потенциал структурировавших ее топосов, вероятно, исчерпывался. С середины 1970-х годов обнаружился разрыв — героика прошлых десятилетий более не соответствовала потребностям настоящего с его трансформировавшейся социально-бытовой средой и развитием техники: «...то, что недавно величали подвигом, стало обычным, будничным»³⁷. Труженики нефтегазового освоения второй половины 1970-х годов более не олицетворяли первооткрывателей, им предлагалось на них равняться³⁸. Все это наводило на предположение о том, что «героическое

28 Там же. С. 55.

29 Там же. С. 182.

30 Там же. С. 54.

31 Лучинецкий Е. Подвиг совершается здесь // Тюменская правда. 1964. № 204. 29 августа. С. 3.

32 Мальгин С. Для того живу // Тюменская правда. 1965. № 61. 14 марта. С. 3.

33 Викторов В. Найти себя // Тюменская правда. 1975. № 160. 11 июля. С. 2.

34 Денисов Н. Самотлор. С. 3.

35 Лагунов К.Я. Больно берег крут: роман. С. 175.

36 Там же.

37 Лагунов К. Мост // Тюменская правда. 1975. № 185. 9 августа. С. 3.

38 Бакулин Ю. Точка опоры // Тюменская правда. 1976. № 18. 23 января. С. 4.

время прошло»³⁹. Изменение стратегии в нефтегазовом освоении Западной Сибири, которое последовало в конце 1970-х годов и включало масштабное жилищное и социально-культурное строительство [Колева 2010: 91–92; Стась 2016б: 140–146], вероятно, еще больше закрепило выхолащивание канонических топосов маскулинности в официальном дискурсе.

Ускользающая фемининность

Если маскулинность нефтегазопроходцев состояла из двух топосов — «героя» и «солдата», которые взаимно усиливали друг друга, то фемининность репрезентовалась в официальном дискурсе амбивалентно. Привычную для советской пропаганды ипостась фемининности определяла идеологема равноправия советской женщины. Наиболее характерным приемом ее выражения являлись сюжеты, демонстрировавшие преодоление женщинами стереотипов в процессе вхождения в «не женское» поле профессий ЗСНГК. Они разбивали предрассудки о своей слабости или некомпетентности, устранили аварии или справлялись с непосильными для мужчин задачами⁴⁰. В рамках этой риторики женщины могли выступать либо как «верные подруги» мужчин⁴¹, которые «наравне», «рядом»⁴² с ними осваивали богатства Сибири, либо как их соперницы, которые не хотели «уступать»⁴³. Эта версия фемининности предлагала ориентацию на мужской стандарт и поэтому в идейном смысле была весьма близка нормативной маскулинности. Показательна публикация о женщине-прорабе самотлорского строительно-монтажного управления, которая, со слов матери, «помешалась на работе» и поэтому сравнивалась автором с «воином за сибирскую нефть»⁴⁴, или материал «Что вам нравится в женщине?», который педалировал привлекательность «отнюдь не женских черт характера: смелость, решительность, мужество»⁴⁵.

Одновременно репрезентации тружениц ЗСНГК зачастую включали использование диминутивных, то есть уменьшительных, форм, которые оспаривали идеализированный образ советской «суперженщины». Употребляемые в прессе диминутивы структурировались по двум параметрам: 1) указание на возраст женщин, 2) характеристика их внешнего вида. В первом случае такие

39 Надточий Ю. Узел // Тюменская правда. 1976. № 172. 24 июля. С. 3.

40 Клейман Л. Ищет Наташа клады // Тюменская правда. 1964. № 58. 8 марта. С. 2; Чурсин Ф., Серебряков В. Дело не только в шляпе // Тюменская правда. 1965. № 55. 7 марта. С. 4; Семериков В. Лида // Тюменская правда. 1974. № 253. 27 октября. С. 2; Викторов В. Трасса мужества // Тюменская правда. 1976. № 185. 8 августа. С. 2–3; Коробова Э. Любить человека // Тюменская правда. 1977. № 35. 11 февраля. С. 3; Бонгунчук Ф. Бригада Салемы // Тюменская правда. 1977. № 102. 1 мая. С. 2.

41 Наша современница // Ленинская правда. 1969. № 52. 8 марта. С. 1.

42 Пегашев А. Так начинался Надым // Тюменская правда. 1971. № 86. 9 апреля. С. 2; Глухих А. Профессия у них такая // Ленинская правда. 1972. № 50. 8 марта. С. 2; Климович А. Дороги к счастью // Тюменская правда. 1975. № 102. 1 мая. С. 3; Иванова Л. Наравне с мужчинами // Тюменская правда. 1977. № 228. 29 сентября. С. 3.

43 Счастливый удел // Тюменская правда. 1964. № 58. 8 марта. С. 3; Бахтеев А. Отряды идут на север // Тюменская правда. 1964. № 78. 1 апреля. С. 3; Бакулин Ю. Штурм у причала // Тюменская правда. 1971. № 111. 12 мая. С. 2.

44 Корнеев А. На передовой // Ленинская правда. 1970. № 47. 7 марта. С. 2.

45 Что вам больше всего нравится? // Тюменская правда. 1969. № 57. 8 марта. С. 4.

задействованные обороты, как «девчушка»⁴⁶, «девчонка»⁴⁷, «молоденькая девушка»⁴⁸, «маленькая»⁴⁹ и пр., подчеркивали юность работниц и в семантическом отношении ставили под сомнение их профессиональность: «Что, смущает молодость? <...> И мы поначалу беспокоились»⁵⁰. Вторая вариация акцентировала физическую ограниченность работниц, их принадлежность к «слабому полу», что также противоречило эмансипационной сущности советской фемининности: «хрупкая»⁵¹ или «худенькая»⁵² девушка, «хрупкие, тонкие пальчики»⁵³, «тонконогие девчонки»⁵⁴ и т.д.

Конфликтность образов фемининности в нефтегазовом освоении также прослеживалась в вопросе о том, как разные источники и авторы расценивали влияние на телесность женщин их работы в нефтегазовой отрасли и суровых реалиях Севера. Более редкий ответ фокусировался на положительных изменениях во внешнем виде женщин: увеличении физических возможностей («окрепла, загорела»⁵⁵), приобретении особой северной красоты («Ни дать, ни взять — таежная амазонка»⁵⁶). Однако чаще авторы отмечали негативные последствия. Так, работа геолога связывалась с «ранними трудовыми мозолями и морщинками»⁵⁷, а условия труда на буровой рассматривались как фактор, подрывавший женскую красоту: «Сапоги все в дырах, куртка в нескольких местах прожженная, сама грязная, чумазая — еще бы, пятьдесят дней невылазно на буровой, без бани»⁵⁸.

В текстах фиксировалась неэстетичность спецодежды тружениц: «Она среднего роста, симпатичная даже (курсив мой. — Д.П.) в брезентовой спецовке»⁵⁹. Ее массивность и бесформенность обуславливала неисполнение работницами гендерного дисплея, то есть того, как в привычном понимании должна выглядеть женщина. Это, в свою очередь, приводило к казусам с распознаванием их пола. Так, изолировщица Люба, одетая в «объемистый стеганый ватный костюм с капюшоном», была иронично окрещена «шаром»⁶⁰; то-

46 Чурсин Ф., Серебряков В. Дело не только в шляпе. С. 4; Антропов И. Любаша пилот «Аннушки» // Тюменская правда. 1977. № 53. 4 марта. С. 2; Швирикас А. Ожидай неожиданное // Тюменская правда. 1977. № 78. 3 апреля. С. 2, 4.

47 Гостев В. Девчата // Тюменская правда. 1965. № 209. 4 сентября. С. 3; Михайлов Г. «Свободные художники» // Тюменская правда. 1970. № 189. 15 августа. С. 3; Югов В. Километры Петрова // Тюменская правда. 1973. № 176. 29 июля. С. 3; Ананьев Е.Г. Под стальным парусом: очерки. Тюмень: Тюмен. кн. изд-во, 1963. С. 109.

48 Панов В. Хозяйка дальних буровых // Тюменская правда. 1967. № 57. 8 марта. С. 1.

49 Саясов Ю. На буровой // Тюменская правда. 1960. № 60. 12 марта. С. 3—4.

50 Викторов В. Пульс нефтяной реки // Тюменская правда. 1970. № 74. 29 марта. С. 1.

51 Климов В., Заболотный Н. Старейшина первооткрывателей // Тюменская правда. 1968. № 67. 20 марта. С. 2; Викторов В. Пульс нефтяной реки. С. 1; Кочин А. Цвет движения — красный // Тюменская правда. 1972. № 217. 14 сентября. С. 2.

52 Гостев В. Девчата. С. 3; Кочин А. Привычной стала новизна // Тюменская правда. 1972. № 208. 3 сентября. С. 4; Коробова Э. Дорога покоряется идущим // Тюменская правда. 1977. № 59. 12 марта. С. 2.

53 Лагунов К. Пульс черного исполина. Город ищет хозяина // Тюменская правда. 1970. № 10. 14 января. С. 3.

54 Лагунов К. Слушайте Самолет // Тюменская правда. 1973. № 124. 29 мая. С. 3.

55 Гостев В. Девчата. С. 3.

56 Семериков В. Лида. С. 2.

57 Клейман Л. Ищет Наташа клады. С. 2.

58 Ананьев Е.Г. Под стальным парусом: очерки. С. 192.

59 Богенчук Ф. Бригада Салемы. С. 2.

60 Корнев В. Выиграй бой! // Тюменская правда. 1973. № 258. 2 ноября. С. 2.

гда как в незнакомке «в длинном полушибке» герой очерка признал «кого-то, видимо, мальчишку»⁶¹. Одновременно женщины на нефтегазовой «целине» чувствовали потребность быть привлекательными. На II областном съезде женщин Тюменского округа, прошедшем в июне 1966 года, делегатка Р.Г. Мангасарова, инженер добычи НПУ «Шаимнефть», прямо выразила эту мысль: «Мы — жительницы Севера, тоже хотим быть красивыми»⁶², и далее перешла к критике сферы услуг и снабжения. Эту потребность, вероятно, осознавали и разделяли мужчины. В воспоминаниях о В.И. Муравленко, руководителе Главтюменнефтегаза, упоминалось его содействие женщинам в держании ими «марки» — разрешение делать прически в парикмахерской в рабочее время, заранее уйти с работы, чтобы подготовиться к торжественным мероприятиям и т.д.⁶³

Изображение работниц нефтегазового Севера как образцовых гражданок, освобожденных и равноправных, — известный аргумент советской пропаганды. Схожие образы использовались официальными ресурсами БАМа, подчеркивавшими «сильные стороны и героические поступки» женщин-железнодорожниц [Ward 2009: 74]. Фактически данные нарративы продолжали традицию воображения сильных — в профессиональном и личностном отношениях — тружениц Сибири, заданную плеядой фильмов с середины 1950-х годов. Маркером этого феномена можно назвать культовую кинокартину «Девчата» (1961).

Вместе с тем погружение в контекст ЗСНГК позволяет оспорить ригидность официального дискурса о советской женщине. Конструирование фемининности в региональной прессе не ограничивалось клише о гендерном равенстве. Оно также допускало иные смыслы, которые позволяли работницам реализовываться через непохожие на «мужские» и поэтому символически менее значимые практики — быть хрупкими, юными и заботящимися о своей красоте. По сути, упоминаяемая в печати тревога о телесности женщин была выражением переживаний относительно их сексуальности. В этой связи весьма примечателен фильм «Северный вариант» (1974), в котором уже не было места для «настоящей советской женщины», а две ключевые героини, Алевтина и Наташа, репрезентовались с точки зрения любовных интриг на буровой.

Альтернативная героика женщин

Образы работниц нефтегазового Севера зачастую изображались как «иные» — избегавшие «мужских» дискурсивных предписаний или даже противоположные им. С одной стороны, эта инаковость конструировала символическое значение и власть нормативной маскулинности, цементируя гендерное неравенство на нефтегазовой стройке. С другой стороны, она создавала определенное пространство свободы для советских гражданок, позволяя им выходить за жесткие рамки «мужских» образцов.

Дихотомия фемининности и маскулинности выражалась в исключении женщин-первооткрывательниц из нарративов, связанных с памятью о войне.

61 Антропов И. Трубачи // Тюменская правда. 1977. № 1. 1 января. С. 3.

62 Говорят делегатки съезда // Тюменская правда. 1966. № 148. 30 июня. С. 2.

63 Главтюменнефтегаз: 40-летняя история Главка в свидетельствах очевидцев, воспоминаниях, документах и фотографиях. Тюмень: Мандр и Ка, 2005. С. 275.

Единичные примеры репрезентации работниц как ветеранов соответствовали крайне идеологичным полосам, посвященным празднованию Международного женского дня⁶⁴. Однако даже они были лишены героического пафоса военной преемственности. Так, в публикации «Спутница огня» бывшая воин-электросварщик Елена Шарапова описывалась не в контексте боевых заслуг, но как «рядовой и незаметный боец многомиллионной Советской Армии», а ее последующая работа в мастерской Тюменской комплексной геологической экспедиции характеризовалась как «весьма скромная»⁶⁵. Диссонирующим с текстами о ветеранах-мужчинах являлся и материал о Елене Андреевне, прошедшей войну в качестве медсестры-добровольца и ныне работавшей на разъезде железной дороги Сургут — Тюмень. Женщина изображалась весьма сентиментально; во время аварии на рабочем месте (потеря связи из-за грозы), в ожидании поезда она предавалась грустным воспоминаниям о погибших на поле боя товарищах⁶⁶.

Аналогичным образом тексты о труженицах ЗСНГК могли быть дистанцированы — если не противопоставлялись — по отношению к топосу трудовой героики. Интересна в этом отношении публикация техника-геофизика Л. Губановой «Да святится имя твое...», размещенная на литературной странице «Ленинской правды» в 1966 году. Изложенная в форме воспоминаний о детстве и взрослении рядом с матерью, она содержала непривычный эпизод трудовой биографии молодого геолога («когда дочь твоя первый раз спасовала»). Заблудившаяся в экспедиции и потерявшая веру в спасение, девушка раздумывала о суициде («Нет, это совсем не страшно, когда нет выхода...»), но сохранила самообладание, когда выпавшее из кармана письмо напомнило ей о где-то ждущей матери⁶⁷. В данном случае примечателен не только факт проговаривания в прессе темы самоубийства, но и выход этого материала в выпуске, приуроченном к празднованию 8 Марта и поэтому обычно предполагавшем высокую идеологическую нагрузку. Тем не менее в этом очерке мы наблюдаем пример проявления в кризисной ситуации женской субъективности, которая была отстранена от героического пафоса, но выстраивалась через связь дочери и матери.

Противопоставление мужской и женской позиции в топосе трудовой героики могло опираться на эссециалистский аргумент. Отчужденность от него женщин легитимизировалась ссылкой на биологические различия полов — некие присущие им от природы черты, качества, якобы накладывавшие отпечаток на трудовые практики. Наиболее ярко это демонстрирует кейс Инны Андреевны Копец — первой женщины-командира вертолета в СССР, работавшей в ЗСНГК в 1970-х годах. Посвященный ей очерк «Взлет» запечатлел конкуренцию двух летчиков — собственно Копец и Юрия Николаевича; соперничество не столько личное, сколько идейное. Завязкой сюжета стал отказ Копец выполнить задание заказчика, потенциальное рискованное для машины, за которое следом взялся Юрий Николаевич и справился «без происшествий».

64 Выведено всего два примера: Сюбаев Б. Спутница огня // Тюменская правда. 1968. № 58. 8 марта. С. 3; Арсенюк И. На таежном разъезде // Тюменская правда. 1976. № 56. 5 марта. С. 2.

65 Сюбаев Б. Спутница огня. С. 3.

66 Арсенюк И. На таежном разъезде. С. 2.

67 Губанова Л. Да святится имя твое... // Ленинская правда. 1966. № 48. 8 марта. С. 4.

Инцидент, весьма сенситивный для женщины, стал предметом обсуждения на вечернем собрании работников. Речь женщины удивила присутствовавших отсутствием «лихо закрученных «приключенческих» историй, которые слышали они от своего кумира — Юрия Николаевича». Структурируя свой оправдательный тезис, Копец выступила против маркирования «высоты» как «мужской стихии», апеллируя к важности в работе с вертолетом «женских» атрибутов характера: «нужна чисто женская осторожность», «никакого насилия над машиной» и пр.⁶⁸ Ситуация вскрывала гендерный конфликт между профессиональными стратегиями в работе; мужская стратегия предполагала риск и азарт, неотделимые от героики, тогда как женская —держанность и следование технике безопасности в эксплуатации оборудования. В трудовой биографии Копец этот конфликт разрешился в ее пользу — публикация завершалась дидактическим сообщением о понижении в должности ее оппонента, последовавшем спустя несколько лет.

Другой пример использования эссециалистских объяснений в артикуляции трудовой героики содержался в очерке Евгения Ананьева «Под стальным парусом» (1963). В ходе беседы с корреспондентом его героиня — Елена Каравацкая, оператор и пионер нефтеразведки в составе Ханты-Мансийской геофизической партии, — оказалась не способна подобрать язык для рассказа о своей трудовой деятельности («Что говорить, работаю, как все. Вы лучше еще карасей отведайте»). На просьбу описать «ну, какие-нибудь случаи интересные, героические» она категорически отказалась идентифицировать свою трудовую деятельность в таких формулировках: «Про героизм — увольте. Он у нас чаще всего оборачивается нарушением техники безопасности... Я боюсь приключений — как ни говорите, слабый пол»⁶⁹. Показательно, что Елена Каравацкая, аналогично Инне Копец, недвусмысленно соотносила соблюдение техники безопасности и отказ от приключенческого героизма с качеством «слабого пола». Такая реакция Каравацкой обуславливалась также осознанием своей чуждости выработанному ««стандарту» геолога»: «Попробуйте связать его (стандарт. — Д.П.) со спокойной полнеющей женщиной, матерью трех детей, с ее начисто лишенным внешних эффектов обликом и поведением»⁷⁰. Отвечая на вопрос о своих мечтах, Каравацкая побоялась показаться нескромной и актуализировала материнскую роль («в отпуск к ребятишкам поехать»), подавляя тем самым свою профессиональную идентификацию и настоящую мечту — нефть, которая ей «по ночам снится»⁷¹. Этот сюжет показывает конфликт конкретного дискурса («стандарта» профессии геолога и его героического императива) и женской субъективности (работы «как все», «без приключений», материнской роли). Одновременно эта история Ананьева подтверждает отождествление героических трудовых практик с мужскими и, соответственно, возможность их избегания через апелляцию к женскому полу.

Таким образом, в отличие от мужчин, помещенных в жесткие рамки следования канону трудовой героики, работницы нефтегазовой отрасли наделялись большей свободой выбора. Официальный дискурс ЗСНГК предлагал им альтернативу, позволявшую идентифицировать себя и свою работу через иные кате-

68 Швирикас А. Взлет // Тюменская правда. 1975. № 59. 12 марта. С. 2.

69 Ананьев Е.Г. Под стальным парусом: очерки. С. 116.

70 Там же.

71 Там же. С. 117.

гории, как материнство или противоположные мужскому бравированию «женские» черты. Это дискурсивное синхронизация к «слабому полу» подсвечивало различия гендерных стандартов в нефтегазовом комплексе 1960—1970-х годов. Женщины могли, но не были обязаны стать героинями, так как ожидания наибольшего вклада в нефтегазовое освоение были связаны с мужчинами.

Кризис маскулинности в ЗСНГК: был или нет?

Исследование образов фемининности и маскулинности в официальном дискурсе нефтегазового освоения Западной Сибири, на мой взгляд, не ограничивается иллюстративной функцией «регионального кейса». Оно вписывается в дискуссию о кризисе маскулинности в позднем СССР, указывающей на проблемность идентичности советского мужчины ввиду подрыва его прежних властных позиций. Маркером кризиса стало дискурсивно считываемое переживание советскими гражданами утраты «настоящей мужественности», невозможности реализации мужчинами традиционных ролей и функций — защитника, добытчика и пр. Социологи Е. Здравомыслова и А. Тёмкина считали, что этот феномен появился в конце 1960-х годов в так называемом либеральном критическом дискурсе (публицистика, социологические и демографические издания), который сохранял возможности для ограниченного обсуждения недостатков советского общества. Положение позднесоветского мужчины, представленное как «недостойное и невыносимое», конструировалось в этом дискурсе посредством противопоставления нескольким недоступным моделям маскулинности — герою (образу отца), мужику, аристократу, а также ковбою [Здравомыслова, Тёмкина 2002].

Хотя данная теоретическая выкладка является наиболее известной интерпретацией кризиса маскулинности, стоит упомянуть интересное замечание М. Рожанского. В своей работе, посвященной феномену сибирской фильмографии 1959 года, ученый указывал, что «запрос на мужество» являлся одной из важных «характеристик социальности пятидесятых» [Рожанский 2018: 129]. В художественном смысле Сибирь стала метафорой «маскулинной культуры патерналистского мира», что отражалось в образах героев, объединявших в себе мужество и брутальность [Там же: 140]. Этот кинематографический запрос позволяет ставить новые вопросы о хронологии кризиса маскулинности и его источниках, которые, возможно, не ограничивались подходом Здравомысловой и Тёмкиной.

Интерес к концепции наблюдался также со стороны зарубежных исследователей, предложивших свои идеи относительно сущности кризиса и его датировки. Так, в монографии Марко Думанчича этот феномен связывался со смертью Сталина — фигуры, создавшей роль, язык и дискурс «сильного мужчины» [Dumančić 2020]. В работах Эрики Фрейзер [Fraser 2019] и Клер И. Макколум [Макколум 2021] именно опыт войны и когерентная ему трансформация милитарной мужественности (military masculinity) определялись как наиболее значимые причины сдвигов в презентации идеалов советского мужчины постсоветских лет.

Таким образом, концепция кризиса маскулинности в позднесоветской эпохе обычно проясняется на основе нарративов либо дистанцированных от советской пропаганды, как, например, либеральный критический дискурс

[Здравомыслова, Тёмкина 2002] или художественный андеграунд [Авраменко 2021], либо связанных с ней, но воплощенных в визуальной [Макколлум 2021] и массовой культуре (кино, литература, песни и пр.) [Суковатая 2012]. Вместе с тем обращение к региональным партийным и советским газетам позволяет выдвинуть гипотезу о реакции официального дискурса на конфликтность идентичности советских мужчин. Репрезентуемые мужские образы ЗСНГК показывали выход из кризиса и утверждали новую нормативную гипермаскулинность, которая развивала возникший с началом хрущевской целинной эпохи архетип «покорителей природы и обитателей почти исключительно гомосоциального мира» [Макколлум 2021: 71].

Если в либеральном критическом дискурсе, исследованном Е. Здравомысловой и А. Тёмкиной, модель «героя» (или «фронтовика», по И. Кону) — участника индустриализации и Великой Отечественной войны — с конца 1960-х годов позиционировалась как ретроспективная и ностальгическая [Здравомыслова, Тёмкина 2002: 441–443; Кон 2009: 138–139], то пионерный этап нефтегазового освоения предлагал иную рецепцию этой милитарной мужественности. Самоотверженный труд на нефтегазовом поприще, отождествляемый пропагандой с войной и битвой, выступал средством для утверждения работниками своего мужского «я». Существовавшие на стройке структурные ограничения для женщин, такие как гендерное разделение труда и проблемы с трудоустройством [Куцев 1987: 203–206], одновременно позволяли мужчинам удерживать и укреплять свой авторитет в семье через роль основного или даже единственного «добытчика».

Заключение

В этой статье я показала неравноправность существовавших в официальном дискурсе ЗСНГК образов фемининности и маскулинности. Маскулинность тружеников нефтегазовой «целины» обладала большим символическим значением в связи с мобилизующей функцией дискурса, ориентированного на аудиторию мужского рабочего контингента — ключевого для ЗСНГК. Она обладала отчетливым каноном (понятие нормативной, или гегемонной маскулинности), который конструировался на основе топоса трудовой героики и означивания нефтегазового освоения как «битвы за нефть», что уподобляло работников-мужчин солдатам.

На этом фоне образ фемининности представлял расщепленным. С одной стороны, он включал известную идеологему о равенстве советской женщины, ее повсеместного и равноценного участия в строительстве комплекса. С другой стороны, он зачастую выстраивался как иерархичный по отношению к нормативной маскулинности и интегрирующий статус «слабого пола». Помимо использования диминутивных форм в описании телесности работниц, это проявлялось в дискурсивной возможности избегать сценариев трудового героизма, которым наделялись женщины на «стройке века». Наконец, проблемность фемининности выражалась также в обозначении работы в нефтегазовой сфере Севера как не подходящей для реализации женщинами традиционного гендерного дисплея и их привлекательности.

Таким образом, официальный дискурс нефтегазового комплекса Западной Сибири 1960–1970-х годов предлагал собственную версию воображения

о должном «мужском» и «женском». Данные аскриптивные значения и репрезентации конструировали конвенциональные модели поведения советских граждан, в которых воспроизводились элементы их субъективности. В контексте дискуссии о кризисе маскулинности в позднем СССР можно предполагать, что продвигаемые в советско-партийных СМИ гендерные образы первооткрывателей «большой нефти», пересобирая известные идеологические штампы, создавали новые и конкретные гендерные альтернативы для мужчин и женщин.

Библиография / References

[Авраменко 2021] — Авраменко О. Гендер в советском неофициальном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2021. (Avramenko O. Gender v sovetskem neofitsial'nom iskusstve. Moscow, 2021.)

[Бабушкина 2008] — Бабушкина С.Л. Нефтегазовый комплекс Тюменской области: 1960—1985 гг. Проблема кадрового обеспечения. Омск: Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2008. (Babushkina S.L. Neftegazovyy kompleks Tyumen'skoy oblasti: 1960—1985 gg. Problema kadrovogo obespecheniya. Omsk, 2008.)

[Барабанова 2021] — Барабанова К.С. Нефть в исторической памяти освоения Севера Западной Сибири // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (72). С. 15—21. (Barabanova K.S. Neft' v istoricheskoy pamjati osvoeniya Severa Zapadnoy Sibiri // Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. No. 3 (72). P. 15—21.)

[Гаврилова 2002] — Гаврилова Н.Ю. Социальное развитие нефтегазодобывающих районов Западной Сибири (1964—1985 гг.). Тюмень: ТюмГНГУ, 2002. (Gavrilova N.Yu. Sotsial'noe razvitiye neftegazodobivayushchikh rayonov Zapadnoy Sibiri (1964—1985 gg.). Tyumen, 2002.)

[Здравомыслова, Тёмкина 2002] — Здравомыслова Е., Тёмкина А. Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // О муже(Н)ственности: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 432—452. (Zdravomyslova E., Temkina A. Krizis maskulinnosti v pozdnesovetskem diskurse // O muzhe(N)stvennosti: Sbornik statey / Comp. by S. Ushakin. Moscow, 2002. P. 432—452.)

[Здравомыслова, Тёмкина 2015] — Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. 12 лекций по гендерной социологии: учеб. пособие. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. (Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. 12 lektsiy po gendernoy sotsiologii: uchebnoe posobie. Saint Petersburg, 2015.)

[Здравомыслова, Тёмкина 2018] — Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. № 6 (148). С. 48—73. (Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Chto takoe "maskulinnost'"? Pomyatiyne otmychki kriticheskikh issledovanii muzhchin i maskulinnostey // Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye pere meny. 2018. No. 6 (148). P. 48—73.)

[Клюева 2023] — Клюева В.П. Не женское это дело или работа на равных? Нarrативы геологов о работе в поле // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 133—141. (Klyueva V.P. Ne zhenskoe eto delo ili rabota na ravnikh? Narrativy geologov o rabote v pole // Ural'skiy istoricheskiy vestnik. 2023. No. 1 (78). P. 133—141.)

[Колева 2010] — Колева Г.Ю. Западно-Сибирский нефтегазодобывающий район: экономическое и социальное развитие (1960—2000-е гг.). Тюмень: Вектор Бук, 2010. (Koleva G.Yu. Zapadno-Sibirskiy neftegazodobivayushchiy rayon: ekonomicheskoe i sotsial'noe razvitiye (1960—2000-e gg.). Tyumen, 2010.)

[Колева 2011] — Колева Г.Ю. Формирование кадрового потенциала предприятий ЗСНГК в период интенсивного нефтегазового освоения // Проблемы модернизации Сибирского Севера: Сборник научных трудов. Тюмень: Тюменский гос. нефтегаз. ун-т, 2011. С. 176—199.

(Kol'eva G.Yu. Formirovaniye kadrovogo potentsiala predpriyatiy ZSNGK v period intensivnogo neftegazovogo osvoeniya // Problemy modernizatsii Sibirs'kogo Severa: Sbornik nauchnykh trudov. Tyumen, 2011. P. 176—199.)

[Кон 2009] — Кон И. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.

(Kon I. Muzhchina v menyayushchemsya mire. Moscow, 2009.)

[Коткин 2001] — Коткин С. Говорить по-большевистски // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс; под ред. П.С. Кабытова, О.Б. Леонтьевой; пер. с англ. Э. Филипповой, О. Леонтьевой. Самара: Самарский университет, 2001. С. 250—328.

(Kotkin S. Speaking Bolshevik // Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Sovetskiy period: Antologiya / Comp. by M. David-Fox; ed. by P.S. Kabytov, O.B. Leon'teva. Samara, 2001. P. 250—328. — In Russ.)

[Куцев 1987] — Куцев Г.Ф. Человек в северном городе. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1987.

(Kutsev G.F. Chelovek v severnom gorode. Sverdlovsk, 1987.)

[Макколлум 2021] — Макколлум К.И. Судьба Нового человека. Репрезентация и реконструкция маскулинности в советской визуальной культуре, 1945—1965 / Пер. с англ. Н. Проценко. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

(McCallum C.E. The Fate of the New Man. Representing & Reconstructing Masculinity in Soviet Visual Culture, 1945—1965. Moscow, 2021. — In Russ.)

[Мантикова, Шевцов 2019] — Мантикова Э.К., Шевцов В.В. Проблемы соцкультбыта и повседневная жизнь строителей Нижневартовской ГРЭС в период перестройки на страницах ведомственной газеты «Огни Вахи» в 1987—1991 гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 59. С. 46—52.

(Mantikova E.K., Shevtsov V.V. Problemy sotskul'tbyta i povsednevnyaya zhizn' stroiteley Nizhnevartovskoy GRES v period perestroyki na stranitsakh vedomstvennoy gazety "Ogni Vakh" v 1987—1991 gg. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija. 2019. No. 59. P. 46—52.)

[О муже(N)ственности 2002] — О муже(N)ственности: Сборник статей / Сост. С. Ушакин. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

(O muzhe(N)stvennosti: Sbornik statey / Comp. by S. Ushakin. Moscow, 2002.)

[Пинский 2018] — Пинский А. Предисловие // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953—1985): Сборник статей / Ред. А. Пинский. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 9—38.

(Pinskiy A. Predislovie // Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953—1985): Sbornik statey / Ed. by A. Pinskiy. Saint Petersburg, 2018. P. 9—38.)

[Рожанский 2018] — Рожанский М. Испытание Сибирью: настоящий человек на великих стройках и в фильмах 1959 года // После Сталина: позднесоветская субъективность (1953—1985): Сборник статей / Ред. А. Пинский. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2018. С. 108—144.

(Rozhanskiy M. Ispytanie Sibir'yu: nastoyashchiy chelovek na velikikh stroykakh i v fil'makh 1959 goda // Posle Stalina: pozdnesovetskaya sub"ektivnost' (1953—1985): Sbornik statey / Ed. by A. Pinskiy. Saint Petersburg, 2018. P. 108—144.)

[Сальникова 2014] — Сальникова Е.В. Советская культура в движении: от середины 1930-х к середине 1980-х. Визуальные образы, герои, сюжеты. М.: Изд-во ЛКИ, 2014.

(Sal'nikova E.V. Sovetskaya kul'tura v dvizhenii: ot serediny 1930-kh k seredine 1980-kh. Vizual'nye obrazy, geroi, syuzhetы. Moscow, 2014.)

[Стась 2016а] — Стась И.Н. Гендер и женщина в динамике нефтегазовой урбанизации Ханты-Мансийского округа (1960-е — начало 1990-х гг.) // Север России: стратегии и перспективы развития: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции: В 4 т. Т. 1. Сургут: Изд-во Сургут. гос. ун-та, 2016. С. 248—252.

(Stas' I.N. Gender i zhenschina v dinamike neftegazovoy urbanizatsii Khanty-Mansiyskogo okruga (1960-e — nachalo 1990-kh gg.) // Sever Rossii: strategii i perspektivi razvitiya: Materialy II Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii: In 4 vols. Vol. 1. Surgut, 2016. P. 248—252.)

[Стась 2016б] — Стась И.Н. От поселков к городам и обратно: история градостроительной политики в Ханты-Мансийском округе (1960-е — начало 1990-х гг.). Сургут: Дефис, 2016.

(*Stas' I.N. Ot poselkov k gorodam i obratno: istoriya gradostroitel'noy politiki v Khanty-Mansiyskom okruse (1960-e — nachalo 1990-kh gg.). Surgut, 2016.*)

[Стась 2018] — Стась И.Н. Стать горожанином: урбанизация и население в нефтяном крае (1960-е — начало 1990-х гг.). Курган: Курганский дом печати, 2018.

(*Stas' I.N. Stat' gorozhaninom: urbanizatsiya i naselenie v neftyanoem krae (1960-e — nachalo 1990-kh gg.). Kurgan, 2018.*)

[Суковатая 2012] — Суковатая В.А. От «маскулинности травмы» — к «маскулинности невроза»: гендерные политики в советской и постсоветской массовой культуре // Лабиринт. 2012. № 5. С. 2—59.

(*Sukovataya V.A. Ot "maskulinnosti travmy" — k "maskulinnosti nevroza": gendernye politiki v sovetskoy i postsovetskoy massovoy kulture // Labirint. 2012. No. 5. P. 2—59.*)

[Халфин 2023] — Халфин И. Автобиография большевизма: между спасением и падением. М.: Новое литературное обозрение, 2023.

(*Halfin I. Avtobiografiya bol'shevizma: mezhdu spaseniem i padeniem. Moscow, 2023.*)

[Connell 2005] — Connell R.W. Masculinities. Cambridge: Polity Press; Sydney: Allen & Unwin; Berkeley: University of California Press, 2005.

[Dumančić 2020] — Dumančić M. Men Out of Focus: The Soviet Masculinity Crisis in the Long Sixties. Toronto: University of Toronto Press, 2020.

[Fraser 2019] — Fraser E.L. Military Masculinity and Postwar Recovery in the Soviet Union. Toronto: University of Toronto Press, 2019.

[Hallama 2021] — Hallama P. Introduction. Men and Masculinities under Socialism: Toward a Social and Cultural History // Aspasia. 2021. Vol. 15. Iss. 1. P. 1—20.

[Ward 2009] — Ward Chr. J. Brezhnev's Folly: The Building of BAM and Late Soviet Socialism. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2009.